

Мы возвращаемся к традиции представлять читателю самые заметные литературные явления текущего года. С обзором прозы первой половины 2002 года в толстых журналах выступает академик Академии русской современной словесности, лауреат премии «Антибукер-2000», профессор ЯГПУ Евгений ЕРМОЛИН.

во мир» (№ 5) печатаны два его рассказа из книги «Высокая-высокая луна»: «Неадекватен» и «За кого проголодает маленький человек» (попутно оказалось, что и прошлогодний новомирский рассказ «Однодневная война» входит в нее же). В обоих рассказах один главный герой: старик Алабин, который хочет от жизни остроты и яркости и не устает с невероятной, удивляющей молодняк силой любить женщин. Даже в психиатрической клинике. Это очевидный родственник героя маканинского романа «Андеграунд», но

всем судить. Но говорит обо всем без недомолвок, с полной искренностью. Современным, непричесанным, ничего не тающим слогом. Подставляется.

Ну и нечего тогда пенять, если тебя поглядят против шерсти. Вдосласть, врасхлест прокуролесив, герой пришел к положительным убеждениям, каковые излагает наступательно. Всей повестью идет в атаку (в этом смысле ее названия). Он декларирует необходимость жизни без наркотиков и табака. Солженицынское самоограничение как девиз эпохи аукнулось у Шаргунова проповедью умеренности при употреблении пива. И еще: хочется жить просто, любить красивую девчонку, нарожать детей и погибнуть на будущей войне с ускоглазой китаезой.

Внезапно в начале нового века воскрес стародавний футуризм, чуть ли не весь его махровый букет ароматов. Что значит сей рецидив? Ведь нельзя запоздрить уменьшкой московского мальчика в полной культурной неотягощенности. Может быть, его немножко перекормили в детстве, протекавшем на Фрунзенской набережной Москвы, правилами хорошего тона, вот он и впал на третьем десятке в тинейджерский задор?

При желании можно прочитать повесть и как предисловие к какому-нибудь фашизму. Новый Юнгер явился. Или там юный прозаик Геббельс (о котором рассказал Б. Хазанов в «Октябре», № 5).

Но не будем спешить. Может быть, речь идет только (!) об очищении души для добра. Ведь «чувство локтя» бывает не только в армейской шеренге. Оно может возникнуть и в солидарном усилии свободных людей. И, быть может, автор это понимает.

Смушает другое. Себе наш наивный герой мное, если не все, готов простить. Другим – не прощает ничего. Точнее, автор-рассказчик бичует в повести не конкретных людей, а пороки. Типы и нравы. Людей же он пока в упор не видит, они – лишь карточки, представители того или иного гнусного извращения (изображенные, однако, сочно и ярко, с гротескным заострением бросающихся в глаза черт). Оно и неудивительно. Если стремишься к простоте уже на входе, то на выходе получаешь не просто сильные упрощения, а банальный фельетон. В голове героя сумбур вместо музыки. Душа автора полна хаоса и мусора. Но и добрые намерения там есть. Их много! И есть обаяние безоглядно сжигаемой юности. Много тонизирующего и тревожного. Такие повести пишутся раз в жизни.

Евгений ЕРМОЛИН.

(Окончание следует).

нов. Писатель пытается придать повествованию новое качество, представляя своего героя несостоявшимся, но не бездарным писателем и доверяя ему рассказывать историю своей жизни от первого лица. Острее начинает звучать один

ЦЕНТР КАКИХ-ТО УРАГАНОВ

немаловажный для писателя мотив. Это пораженность героя злом. Убегая от смерти, он в свою очередь убивает. Он становится профессионалом убийства и уже не умеет жить без риска, становящегося самодостаточным. Конечно, кое-какие навыки он умеет применить в мирной жизни. Но жизнь эта для него тошновата.

Задачи, которые решает Азольский, подчас ставят в тупик. Как, например, понять рваную логику повествования, сбитую хронологию, скороговорку, умолчания?.. Можно подумать, что, дав своему герою возможность поведать о себе, опытный беллетрист Азольский увлекся чисто формальной задачей, имитируя способ рассказа, который характерен для дилетанта. Однако видится в этом и другой смысл. Писатель привлекает новые средства, чтобы еще раз удостовериться в том, что является лейттемой его прозы: в хаотичности бытия, в бессвязности и случайности линий судьбы, в бредовости социальной ткани, в принципиальном одиночестве человека, которого не спасут ни любовь, ни дружба.

Любовь в романе (как это обычно бывает у Азольского) не удалась, удаются только интрижки. (Впрочем, в порядке исключения на полстраницы рассказано и об удачном опыте супружества.) Надежные друзья гибнут. Будущего у героя нет, он обречен остаться вечным скитальцем, за которым охотятся все на свете спецслужбы...

Роман нужно отнести к числу самых удачных у плодовитого писателя-пессимиста, спасающегося от отчаяния творчеством. Это серьезное, глубокое произведение, однако, совершенно выпадает из современного литературного контекста. Оно как будто лишено актуальности – уже или пока.

Жить, чтобы любить. Любить-жить. Этого достаточно для героя новейшей прозы **Владимира Маканина**. В «Но-

притом смысловые узлы завязаны в новой малой прозе писателя иначе, чем в романе.

В странноватом герое с его житейским опытом, зоркостью и юмором, с его маниями и пафосом есть дистанция по отношению к происходящей вокруг жизни. Эта дистанция позволяет увидеть ее в каком-то необычайно пронзительном свете. Маканин, как никто, пожалуй, в нашей текущей словесности умеет нащупать и обнажить нерв современной жизни. Его интерес к обиходу психушки, к пограничному типу героя (то ли норма, то ли патология) связан, кажется, именно со стремлением к анализу психического устройства (или расстройств) современного человека и современного общества. Главная, пожалуй, печаль заключена в том, что мир покидает красота. И почти уже ничего от нее не осталось. Писателя угнетают пустота, мелкость и озлобленность среднего человека.

Воля к жизни специфически претворилась в повести 22-летнего студента МГУ, лауреата премии «Дебют» **Сергея Шаргунова «Ура!»**, опубликованной в «Новом мире» (№ 6). Как-то забавно эта бодрая, написанная с сильным напором повесть рифмуется с новомирской прозой Азольского и Маканина. Есть сходство в волевом посыле персонажа. Герою лирической прозы Шаргунова тоже хочется, чтобы жизнь его была яркой, насыщенной, умопомрачительной. И он идет на риск такой жизни. Любит, страдает, падает и поднимается. В придачу, чем дальше, тем больше, он хочет быть хорошим.

Кстати, герой носит имя автора. Контурно даны набросок колоритной физиологии божемного московского разгула, любви и греха, обжигающий опыт смерти... Чего только С. Ш. не видел (ни черта вообще-то не видел, скажем мы с кошки прожитых лет). Чего только не знает (ничего, по сути, не знает). Но берется обо

Бывает так, что наиболее заметные тексты года выстраиваются в ряд не по теме и не по какому-то качеству их поэтики, а в связи со смысловозначимой проблемой, занимающей автора и его персонажей.

Как всегда, не находит мотива активности героя, выходящего за пределы борьбы за выживание, **Анатолий Азольский**. Он дает своему произведению «**Диверсант**» («Новый мир», № 3, 4) жанровое определение «назидательный роман для юношей и девушек». Традиционный для автора период: 40-е – начало 50-х. Традиционный герой: молодой одинокий волк.

Сначала в годы войны он в составе небольшой группы выполняет особые поручения командования в тылу врага. Мужает. Убивает, взрывает. Учит делать это на пять с плюсом и становится настоящим юберменшем. Но в какой-то момент герой начинает догадываться, что его личным врагом являются не наци, а любые казенно-бюрократические, античеловечные структуры, которые решают свои сверхзадачи и готовы пожертвовать ради успеха чьей угодно жизнью. Флаг уже не важен, когда выясняется враждебность человеку любой и всякой власти.

И тогда главной целью становится умение выскользнуть из липких объятий организованной смерти. «Россия – центр каких-то ураганов, смерчей, штормов (...) в тихую солнечную погоду русский человек жить не может (...) Спасения нет, надо лишь изловчиться и оседлать тучу, на которой можно продержаться какое-то время». Такой вот «антисоветский» и «антифашистский» роман воспитания, переходящий в приключенческое повествование и венчающийся выводами, которые сближают прозу Азольского с литературой абсурдистского толка.

Снова враг писателя и его героя – государство, снова отчетлива в романе анархическая нота. В этом состоит первый урок, первое «назидание». Но государство – только представитель мирового зла, агент неназванного князя мира сего. У писателя острое мистическое чувство присутствия зла в мире – и острейшее неприятие этого бытийного факта. Отсюда духовное напряжение в его прозе, которое меня лично редко когда оставляет равнодушным, с каким бы настроением я ни брался за прозу этого автора.

«Диверсант» – произведение для Азольского этап-